

СОДЕРЖАНИЕ

СМЕРТЬ ДРАКОНОВ

«Черные» и «зеленые» 5

Сын за сына 32

Красный дракон, золотой дракон . . . 50

Рейенира-победительница 87

Падение Рейениры 143

*Печальное и недолгое правление
короля Эйгона Второго. 195*

ПОСЛЕДСТВИЯ

Час волка 221

РЕГЕНТСТВО

Десница в маске 245

Война, мир и смотрины 276

*Путешествие Алина Дубового
Кулака 310*

КОНЕЦ РЕГЕНТСТВА

Лиссенийская весна 329

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хронология Таргариенов 381

СМЕРТЬ ДРАКОНОВ

«Черные» и «зеленые»

«Пляска Драконов» — столь витиеватое название было присвоено кровавой междоусобной войне за Железный Трон, разгоревшейся меж двумя ветвями дома Таргариенов с 129 по 131 г. от завоевания Эйгона. Именовать темные жестокие деяния тех дней «пляской» представляется нам до нелепости неуместным; вне всякого сомнения, это придумал какой-нибудь рифмоплет. «Смерть Драконов» — вот куда более подходящее имя для этих событий: однако время, традиция и великий мейстер Манкен прочно запечатлели «Пляску» на страницах истории. Так что придется и нам сплясать, хотим мы того или нет.

На Железный Трон после смерти короля Визериса I Таргариена претендовали двое: дочь его Рейенира, единственное оставшееся в живых дитя от первого брака, и Эйгон, старший сын от второй жены. В смутные и кровавые времена их соперничества появлялись и другие претенденты на престол; словно фигурки, они выходили на подмостки исто-

рии — кто на пару лун, кто на пару недель, — и их падение было столь же стремительным, сколь и вознесение.

Пляска расколола Семь Королевств надвое: все лорды, рыцари и простолюдины принимали сторону либо принца, либо принцессы и брались за оружие. Раскол не миновал и сам дом Таргариенов: в борьбу за престол оказались вовлечены родичи, дети и приближенные соперников. Два года войны дорого обошлись и лордам, и вассалам, и простолюдинам. Королевская династия выжила, но власти у нее поубавилось, а драконов и вовсе почти не осталось.

История Семи Королевств не знала другой подобной войны. Войска, конечно, сходились и на полях сражений, но многие битвы происходили на воде и — что особенно примечательно — в воздухе, где драконы дрались друг с другом, пуская в ход когти и зубы и изрыгая пламя. Запомнилась Пляска и бесчисленными интригами, убийствами и изменами — в темных коридорах, в чертогах совета и во дворах замков велись свои битвы, а оружием в них служили ножи, клевета да яд.

Вражда, давно уже тлевшая подспудно, вспыхнула на третий день третьего месяца 129 г. ОЗ, когда больной король Визерис I, ненадолго прикорнув, так более и не пробудился ото сна. В час нетопыря его обнаружил слуга, который, как это было заведено, принес королю подогретого вина с пряностями; он тут же побежал известить королеву Алисент, чьи покои помещались под комнатами супруга.

Септон Евстахий, позже описавший события той ночи, отмечает, что слуга сообщил скорбную весть только королеве, не поднимая шума. Септон находит

это неслучайным: по его словам, смерти короля ждали довольно долго, и королева Алисент и ее сторонники, которых звали «зелеными»*, не преминули научить королевских слуг и стражников, как поступить, когда этот день настанет.

(Карлик Гриб считает, что произошло нечто более злое и королева Алисент ускорила кончину супруга, подмешав в пряное вино щепотку яда. Но тут следует учесть, что в ночь смерти короля Гриб был не в Королевской Гавани, а на Драконьем Камне, где он находился при принцессе Рейенире.)

Королева Алисент тут же отправилась в опочивальню короля вместе с сиром Кристоном Колем, лордом-командующим Королевской Гвардией. Удостоверившись, что Визерис мертв, королева приказала опечатать спальню и поставить у дверей стражу; обнаружившего короля слугу посадили под замок, чтобы весть не разнеслась по замку. Настал час совы; сир Кристон вернулся в башню Белый Меч и послал своих гвардейцев созвать малый королевский совет.

Тогда, как и теперь, братство Королевской Гвардии состояло из семи рыцарей, чьи доблесть и верность были бесспорны и которые поклялись посвятить свою жизнь охране короля и его семьи. В час смерти Визериса в Королевской Гавани были только пять белых плащей: сам сир Кристон, сир Аррик

* В 111 г., на пятую годовщину свадьбы Визериса и королевы Алисент, в Королевской Гавани был устроен большой турнир. На пиру в честь его открытия королева появилась в зеленом платье, наследная же принцесса оделась в цвета Таргариенов, красный и черный; с тех пор сторонников той и другой стали называть «зелеными» и «черными». — *Примеч. пер.*

Каргилл, сир Рикард Торне, сир Стеффон Дарклин и сир Вилис Фелл. Сир Эррик, брат-близнец сира Аррика, и сир Лорент Марбранд находились с принцессой Рейенирой на Драконьем Камне и знать не знали о том, что король скончался.

Совет собрался в покоях королевы в крепости Мейсгора. До нас дошло немало свидетельств того, что было сказано и сделано в ту ночь; наиболее подробное и достоверное из них приведено в книге великого мастера Манкена «Подлинная история Пляски Драконов». Хотя сей труд и был написан поколением позже на основе самых разных источников — дворцовых хроник, мемуаров и бесед со ста сорока семью свидетелями событий тех лет, — рассказ Манкена о происходившем при дворе опирается на исповедь великого мастера Орвила, записанную перед казнью последнего. В отличие от Гриба и септона Евстахия, чьи рассказы основываются на слухах, сплетнях и семейных легендах, великий мастер лично присутствовал на совете и принимал самое непосредственное участие в обсуждениях и решениях. Впрочем, следует учесть, что в момент написания исповеди Орвил отчаянно старался выставить себя в выгодном свете и снять с себя ответственность за последующие события. Поэтому в «Подлинной истории» Манкена его предшественник представлен слишком уж добродетельным.

Тело короля еще остывало в верхних покоях, когда у королевы Алисент собрались ее отец сир Отто Хайтауэр, королевский десница; сир Кристоун Коль, лорд-командующий Королевской Гвардией; великий мастер Орвил; восьмидесятилетний лорд Лиман Бисбери, мастер над монетой; сир Тайленд Ланни-

стер, брат лорда Бобрового Утеса и мастер над кораблями; Ларис Стронг по прозвищу Колченогий, лорд Харренхолла, мастер над шептунами; лорд Джаспер Уайлд по прозвищу Железный Прут, мастер над законом. В своей книге великий мейстер Манкен называет собравшихся «зеленым» советом.

Сначала слово взял великий мейстер Орвил: он перечислил все то, что, согласно обычаю, требуется сделать после смерти короля. «Мы должны послать за септоном Евстахией; он совершит похоронные обряды и будет молиться о душе короля, — сказал мейстер. — Также надобно немедленно послать ворона на Драконий Камень, дабы уведомить принцессу Рейениру о кончине отца. Быть может, ее величество королева соблаговолит лично начертать послание принцессе, смягчив скорбные вести словами соболезнования? Обычно о кончине короля возвещают колокольным звоном; кто-то должен распорядиться об этом. И, разумеется, мы должны начать готовиться к коронации королевы Рейениры...»

«Все это может подождать, — прервал его сир Отто Хайтауэр, — пока не будет улажен вопрос о престолонаследии. — Сир Отто как десница мог говорить от имени короля и даже сидеть на Железном Троне в его отсутствие. — До того как новый король взойдет на престол, правителем остаюсь я».

«Новая *королева*», — сказал кто-то. Согласно великому мейстеру Манкену, эти слова произнес Орвил. Он говорил тихо, и это прозвучало, как скромное замечание — не более.

Но Гриб и септон Евстахий настаивают, что слова эти произнес лорд Бисбери, и прозвучали они весьма язвительно.

«Нет, король, — возразила Алисент. — Железный Трон по праву должен перейти к старшему законному сыну его величества».

Великий мейстер Манкен пишет, что споры затянулись до утра; Гриб и Евстахий с ним соглашались. Все они утверждают, что лорд Бисбери держал сторону принцессы Рейениры. Престарелый мастер над монетой, верно служивший Визерису все время его правления, а до этого и его отцу, старому королю Джейхерису, напомнил совету, что Рейенира старше своих братьев и таргариенской крови в ней больше; что сам покойный король объявил ее своей преемницей и не раз наотрез отказывался изменить порядок престолонаследия вопреки настояниям королевы Алисент и ее «зеленых»; что сотни лордов и рыцарей присягнули Рейенире как наследнице трона в 105 году и поклялись защищать ее права на престол. Рассказ великого мейстера Орвила отличается только тем, что он приписывает себе многое из сказанного лордом Бисбери; однако последующие события показывают, что это было не так.

Как бы то ни было, эти слова пропали втуне. Многие лорды, присягнувшие Рейенире, уже мертвы, заметил сир Тайленд. «С тех пор миновало двадцать четыре года, — сказал он, — и сам я такой присяги не давал, ибо был тогда малым ребенком».

Лорд Уайлд по прозвищу Железный Прут, мастер над законом, сослался на Большой совет 101 года и на решение Джейхериса, Старого Короля, который в 92 г. предпочел сына Бейелона старшей дочери Рейенис; затем он долго говорил об Эйгоне Завоевателе и его сестрах и, наконец, перешел к свя-

ценным традициям андалов, согласно которым права законнорожденного сына всегда ставятся выше прав дочери.

Далее сир Отто заметил, что Рейенира теперь замужем за принцем Дейемоном, «а что это за человек, мы все хорошо знаем. Уж не сомневайтесь: если на Железный Трон взойдет Рейенира, нами будет править лорд Блошиного Конца, король-консорт, который жестокостью и беспощадностью превзойдет Мейегора Второго. Моя голова первой слетит с плеч, тут и думать нечего; но и голова моей дочери, вашей королевы, вскоре последует за ней».

«И детей моих тоже не пощадят, — подхватила Алисент. — Эйегон и его братья — законные сыновья короля, и прав на трон у них куда больше, чем у выроdkов Рейениры. Дейемон непременно найдет причину, чтобы предать их всех смерти, даже Гелайену с ее малютками. Не забывайте, что один из этих Стронгов выколол Эйемонду глаз. Он, правда, был тогда еще мал, но из ребенка вырастает мужчина, а бастарды злы по самой природе своей».

Тут слово взял сир Кростон Коль и напомнил собравшимся, что, если королевой станет Рейенира, после нее будет править принц Джакайерис Веларион. «Да сохраняют нас Семеро от бастарда на троне». Остановившись на распутстве Рейениры и нечестии ее мужа, сир Коль продолжал: «Они превратят Красный Замок в бордель, и ничьи жены и дочери не смогут полагать себя в безопасности. Да и мальчики тоже... все мы помним, каким был Лейенор».

Ларис Стронг, судя по записям, не сказал ничего, но удивляться этому не приходится. Мастер над шептунами при всей остроте своего языка был скуп на

слова и предпочитал слушать других, нежели говорить самому.

«Такое наше решение наверняка приведет к войне, — согласно «Подлинной истории», предупредил великий мейстер Орвил. — Принцесса своих прав не уступит, и у нее есть драконы».

«И друзья, — присовокупил лорд Бисбери. — Люди чести, не забывшие присяги, данной ей и ее отцу. Я сам, хоть и стар, не стану сидеть здесь и слушать, как вы замысляете отнять у нее корону». С этими словами он встал, чтобы уйти.

О том, что произошло дальше, рассказывают по-разному. Великий мейстер Орвил говорит, что по приказу сира Отто Хайтауэра лорда Бисбери схватили и препроводили в темницу, где он и умер, не дождавшись суда.

Септон Евстахий пишет иное. По его словам, сир Кристон силой вернул лорда Бисбери на место и полоснул ему по горлу кинжалом. Гриб тоже винит сира Кристона в смерти лорда, но в его рассказе сир Кристон схватил Бисбери за шиворот и выпшвырнул из окна прямо на острые пики сухого рва.

Все трое сходятся в одном: первой на Пляске Драконов пролилась кровь Лимана Бисбери, мастера над монетой и лорда-казначея Семи Королевств.

После смерти Бисбери более никто не роптал. Остаток ночи совет строил планы коронации Эйегона (все сошлись на том, что с ней следует поспешить), а также составлял списки возможных союзников и врагов, буде Рейенира не пожелает признать нового короля. Принцесса ожидала близких родов у себя на Драконьем Камне, и «зеленым» было выгодно, чтобы она как можно позже узнала о смерти отца.

«А может, шляуха и вовсе помрет родами», — по словам Гриба, заметила королева.

Вороны не взлетали с башни в ту ночь, колокола не звонили. Слуг, знавших, что король умер, отправили в темницу. Сиру Кристону было поручено взять под стражу оставшихся при дворе «черных» — лордов и рыцарей, которые могли встать на сторону Рейениры. «К насилью прибегайте лишь в случае сопротивления, — наставлял десница. — Мы не причиним вреда никому, кто преклонит колено и присягнет на верность королю Эйгону».

«А те, кто не присягнет?» — спросил Орвил.

«Те, кто не присягнет, — изменники, — отвечал Железный Прут. — И должны умереть смертью изменников».

Тут Ларис Стронг, мастер над шептунами, подал голос в первый и единственный раз: «Присягнем же первыми, дабы показать, что среди нас нет изменников. Пусть кровная клятва свяжет нас нерушимыми узами и сделает нас братьями до гроба». — С этими словами он провел по своей ладони кинжалом. Другие заговорщики сделали то же самое и соединили руки, признав себя кровными братьями; королеву — как женщину — от клятвы освободили.

Когда рассвело, Алисент отправила королевских гвардейцев за своими сыновьями, Эйгоном и Эймондом (принц Дейерон, самый младший и добросердечный из ее детей, служил в Староместе оруженосцем у лорда Хайтауэра). Девятнадцатилетний кривой Эймонд, надевавший в оружейной доспехи для утренних занятий, спросил сира Вилиса Фелла: «Что ж, будет Эйгон королем или нам придется целовать передок старой шляухи?» Принцесса Гелайена завтра-

кала с детьми и так ответила на вопрос об Эйгоне, брате своем и муже: «В моей постели его точно нет. Поищите сами, коли хотите».

Как — весьма туманно — пишет Манкен в своей «Подлинной истории», Эйгон «по своему обыкновению, предавался кутежу». В свидетельстве Гриба сказано, что будущего короля нашли голым и пьяным в одном из притонов Блошиного Конца; двое уличных мальчишек с заточенными зубами рвали и кусали друг друга на забаву принцу, а девчонка, которой было не больше двенадцати, ублажала его ртом. Но Гриб есть Гриб — нарисовать такую мерзкую картину вполне в его духе. Обратимся лучше к словам септона Евстахия. Наш добрый септон хоть и признает, что принца нашли в постели любовницы, отмечает, что девушка была дочерью богатого купца и Эйгон обращался с ней должным образом. Более того, Евстахий пишет, что Эйгон поначалу отказался участвовать в заговоре. «Трон наследует сестра, а не я. Хорошим бы я был братом, если бы вздумал лишить ее того, что принадлежит ей по праву рождения». Заколебался он лишь после слов сира Кристона, что Рейенира непременно казнит его с братьями, едва наденет корону. «Пока жив хоть один законный Таргариен, Стронгу и надеяться нечего на Железный Трон, — продолжал Коль. — Рейенире поневоле придется отрубить вам всем головы, чтобы ее ублюдки правили после нее». Только из этих соображений Эйгон согласился принять корону, предложенную ему малым советом, — так утверждает добросердечный септон.

Пока королевские гвардейцы искали сыновей королевы Алисент, другие посланники были отправле-

ны к начальнику городской стражи и его капитанам (их было семеро, и каждый охранял одни из городских ворот); все они были вызваны в Красный Замок, где их допросили. Пятерых капитанов признали сочувствующими принцу Эйгону, двух оставшихся вместе с начальником сочли неблагонадежными и заковали в цепи. Сира Лютора Ларгента, самого грозного из «верной пятерки», назначили новым командиром золотых плащей. Ларгент был почти семи футов росту и силен как бык; говорят, он однажды убил одним ударом кулака боевого коня.

Сир Отто, будучи человеком предусмотрительным, позаботился о том, чтобы его собственный сын и брат королевы, Гвейн Хайтауэр, был назначен правой рукой командира, и наказал ему хорошенько приглядывать за сиром Лютором — не проявит ли тот вероломства.

Сир Тайленд Ланнистер, назначенный мастером над монетой вместо убитого лорда Бисбери, тут же приступил к своим обязанностям казначея. Все королевское золото было поделено на четыре части. Одну четверть отдали на хранение в Железный банк Браавоса, вторую под надежной охраной отправили в Бобровый Утес, третью — в Старомест. Последняя предназначалась для подкупов и даров, а также на случай, если придется прибегнуть к услугам наемников. Сир Отто, подыскивая нового мастера над кораблями вместо самого сира Тайленда, послал ворона на Железные острова, к Далтону Грейджоу, шестнадцатилетнему лорду Пайка. Отважному и кровожадному Красному Кракену предлагалось принять сторону Эйгона в обмен на адмиральство и место в малом совете.

Прошел день, за ним другой. К смертному одру медленно разлагавшегося короля Визериса не звали ни септонов, ни Молчаливых Сестер. Колокола не звонили. Вороны летели в Старомест, в Бобровый Утес, в Риверран, в Хайгарден и в другие места, где королева Алисент ожидала найти сторонников — куда угодно, только не на Драконий Камень.

Достали из-под спуда записи Большого совета 101 года, дабы посмотреть, какие лорды высказывались за Визериса, а какие за Рейенис, Лейену и Лейенора. Двадцать человек против одного предпочли отпрыска по мужской линии, но были и те, кто думал иначе; в случае войны их дома скорее всего встали бы на сторону Рейениры. Принцесса, как рассудил сир Отто, могла твердо рассчитывать на Морского Змея со всем его флотом и на других лордов восточного побережья, в число коих входили Бар-Эммон, Масси, Селтигар, Крэб и, возможно, даже Вечерняя Звезда с Тарта. Все они, исключая Веларионов, не обладали, впрочем, большими силами. А вот Север вселял куда большую тревогу: лорд Винтерфелла высказывался в Харренхолле в пользу Рейенис, как и его знаменосцы Дастин из Барроутона и Мандерли из Белой Гавани. На дом Арренов «зеленые» тоже не могли полагаться, ибо в Гнезде теперь правила женщина — леди Джейна, Дева Долины; если бы принцессе предпочли Эйегона, под вопросом оказались бы ее собственные права.

Наибольшая опасность исходила из Штормового Предела, ибо Баратеоны были верными сторонниками Рейенис и ее детей. Старый лорд Бормунд уже умер, но сын его Боррос был еще воинственнее отца, и все другие штормовые лорды наверняка бы после-

довали за ним. «Значит, нужно позаботиться о том, чтобы он привел их к нашему королю», — заявила Алисент и послала за вторым своим сыном.

В тот день к Штормовому Пределу полетел не ворон, а Вхагар, самый старый и крупный из вестеросских драконов. На нем восседал принц Эймонд Таргариен с сапфиром в пустой глазнице. «Ты должен получить руку одной из четырех дочерей лорда Борроса, — наставлял его дед, сир Отто. — Любая сойдет. Посватайся, женись, и лорд Боррос вручит штормовые земли твоему брату. Но в случае неудачи...»

«Неудачи не будет, — заверил принц Эймонд. — Я получу девчонку, а Эйгон — Штормовой Предел».

К часу отбытия принца Эймонда запах из спальни покойного короля распространился по всей крепости Мейегора, и по замку ходили самые дикие слухи. Темницы Красного Замка поглотили стольких подозреваемых в измене, что сам верховный септон из Староместа заподозрил неладное и начал расспрашивать кое о ком из пропавших. Сир Отто, десница на редкость обстоятельный, просил дать ему больше времени на приготовления, но королева Алисент понимала, что медлить больше нельзя, да и Эйгону надоело скрываться. «Король я или нет? — вопрошал он. — Если да, то коронуйте меня».

На десятый день третьего месяца 129 года колокола возвестили о конце очередного царствования. Великий мейстер Орвил получил наконец позволение отправить воронов, и сотни птиц полетели во все концы государства с вестью о восшествии на престол Эйгона. Послали и за Молчаливыми Сестрами, чтобы они приготовили тело Визериса к сожжению; глашатаи на белых конях разносили вести по всей

столице, провозглашая: «Король Визерис умер, да здравствует король Эйегон». Манкен пишет, что одни, слыша это, плакали, другие радовались, но большей частью безмолвствовали, и в толпе кричали порой: «Да здравствует королева».

В замке тем временем спешно готовились к коронации, для проведения коей выбрали Драконье Логово: каменные скамьи под его огромным куполом могли вместить восемьдесят тысяч человек, а толстые стены, крепкая кровля и прочные бронзовые двери служили хорошей защитой на случай, если изменники попытаются прервать церемонию.

В назначенный день сир Кристон Коль возложил железную, украшенную рубинами корону Эйегона Завоевателя на чело старшего сына короля Визериса и королевы Алисент, провозгласив его Эйегоном из дома Таргариенов, вторым этого имени, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, лордом Семи Королевств и Хранителем Государства. Любимая народом королева-мать увенчала собственной короной дочь свою Гелайену, жену и сестру Эйегона. Облобызав дочь в обе щеки, Алисент опустилась перед ней на колени, склонила голову и произнесла: «Моя королева».

О том, сколько людей пришли посмотреть коронацию, спорят до сих пор. Великий мейстер Манкен, опираясь на слова Орвила, пишет, что в Драконье Логово набилось более ста тысяч простолюдинов и от их приветственных криков тряслись стены. Гриб же утверждает, что каменные скамьи были заполнены лишь наполовину.

Верховный септон Староместа был слишком стар и слаб здоровьем для путешествия в Королевскую Га-